
ИЗ «СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА»¹

«Синайский патерик» представляет собой славянскую версию знаменитого «Луга духовного» Иоанна Мосха. Мы приводим здесь избранные переводы отдельных рассказов и поучений из этой антологии монашеских рассказов. Более полная подборка в свое время ходила в самиздате и оттуда попала в «Вестник русского христианского движения» («Вестник РХД», 1981, № 135 (III-IV), С. 5-19; 1982, № 136 (I-II), С. 11-40), где была опубликована без указания имени переводчика.

О ленивом монахе

Рассказывал авва Полихроний, пресвитер Новой лавры.

Прежде я жил в пещерах Иорданской лавры. И был там один брат, очень ленивый. Никогда я не видел, чтобы он служил службу в святое воскресенье. И вот однажды вижу: этот ленивый монах празднует со всем тщанием. И говорю:

– Вот, нынче хорошо ты трудишься для души своей, брат.

– Авва отче, – говорит он мне, – нынче я смерти жду.

И через три дня умер.

¹ Перевод со старославянского. Выполнен по изданию: «Синайский Патерик». Изд. подг. В.С.Голышенко, В.Ф.Дубровина. М., Наука, 1967.

О поставлении игуменом

Был в той же лавре некий старец. Отцы лавры, зная его добронравие и великие подвиги, захотели поставить его игуменом. Старец стал их молить:

– Простите меня, отцы, оставьте меня плакать о моих грехах. Я ведь не таков, чтобы за душами смотреть. Это дело великих отцов и богоносных – как Авва Антоний был, и Пахомий, и святой Феодор.

Но отцы не отпускали его и всё умоляли, не отступая.

Тогда старец сказал им:

– Дайте мне три дня. Помолюсь – и как Бог захочет, так и сделаю.

И была пятница, а в воскресенье утром он почил.

О звезде умершего

И ещё рассказывал нам авва Полихроний.

Некий отец умер в Иерихонской больнице. И авва Константин, игумен монастыря, послал нас взять его тело и перенести в лавру. И пока мы шли от больницы до келий, стояла в небе звезда умершего и не падала, с нами путешествуя. И стояла она, пока не предали его земле.

Подаяние нищего

В этой же лавре жил один старец. Был ему дан дар милостыни и нестяжания.

Однажды пришел в лавру какой-то убогий за милостыней. У старца же ничего не было, только один хлеб. Вот он выносит его и подает нищему. А нищий говорит:

– Не нужен мне хлеб, подай чего-нибудь из одежды.

Старец хотел ему угодить, взял его за руку и повел к себе в келью. И видит нищий: ничего там нет, только и всего, что на старце. И смирился нищий, поглядев на такую жизнь, развязал свою суму посреди кельи, высыпал всё, что у него было и сказал:

– Возьми, монах, я ещё где-нибудь наберу.

Воскресение для прощания

Авва Пётр рассказывал нам об отце Агиодуле.

Авва Агиодул был игуменом лавры блаженного Герасима. Однажды умер один из братьев, а старец не знал. Вот уже ударили в било, чтобы собиралась братия выносить умершего. Пришёл и старец, и горько ему стало, что не успел он поцеловать брата перед его отшествием из этой жизни. И он подошёл и сказал умершему:

– Встань, брат, поцелуй меня.

И тот встал, и поцеловал.

И сказал ему старец:

– А теперь спи дальше, пока не придет Христос Сын Божий.

Он уж подымет тебя.

Камни Иисуса Навина

Тот же авва Агиодул шёл однажды через Иорданские болота и подумал в уме: что же это были за камни, какие Иисус Навин положил здесь на место взятых?

И как только он это подумал, вода расступилась в обе стороны, и он увидел двенадцать камней, и поклонился до земли Богу, и пошёл дальше.

Поучение на лъвях

Авва Полихроний рассказывал.

Был один старец в лавре аввы Петра. Он часто уходил из келии и бродил по берегам Иордана. Где видел львиное логово, там и ложился спать. Однажды он принес двух лъвят в своей одежде, какую он надевал в церковь, и сказал:

– Если бы мы сохранили заповеди Господа нашего Иисуса Христа, они бы нас боялись. А мы в грехах сделали рабами, и боимся их.

И приняли братья поучение и разошлись по своим пещерам.

Кто подает милостыню

Был авва Леонтий. Он так подавал милостыню: если к нему идет слепой, подавал своей рукой; если же зрячий – положит на ступени или на стол. И нищий возьмет.

Спросил его один старец:

– Почему, отче, ты своей рукой не подаешь?

И он ответил:

– Прости, отче. Не я здесь подаю, а Владычица моя Богородица. Она же и меня питает.

Ничего другого

Три старца пришли к авве Стефану пресвитеру и сидели у него, беседуя о душевной пользе. Авва Стефан молчал. Старцы сказали:

– Что же ты ничего не говоришь нам, отче? Мы к тебе пришли за душевной пользой.

И сказал он им:

– Простите меня, я не знаю, что вы здесь говорили, и одно только могу сказать: я и днем и ночью ничего другого

не вижу, только Господа моего Иисуса Христа, висящего на кресте.

Услышали старцы, поняли, и ушли.

Поучения

Сказал старец:

Помяни того, кому негде голову преклонить.

И еще сказал:

Скорбь рождает терпение. Откроем же ум наш царству небесному.

И еще сказал:

Вот дело бесов: сначала они ввергнут душу в грех, а потом вложат отчаяние, чтобы до конца нас погубить. Они-то всегда душе говорят:

– Умрешь ты, и имя твое погибнет.

Но если душа трезвится, то ответит им и скажет:

– Нет, не умру, но жива буду и исповедаю дела Господни.

Один брат спросил старца:

– Почему я часто сужу братьев?

Старец ответил:

– Потому, что себя не знаешь.

Тот, кто знает себя, в других не заглядывает.

Военные трубы

Старец жил в ските один. И однажды, встав ночью молиться, услышал он военные трубы, как перед битвой. И смутился он: откуда здесь военная труба? И пока он так думал, бес рядом с ним прошел и сказал ему:

– Да, битва начинается. А если не хочешь ни защищаться, ни наступать – иди спи себе, и не будут с тобой сражаться.

Больные глаза

Один брат пришел к авве Виктору молчальнику и спросил:

– Что мне делать, отче? одолевает меня сласть уныния.

Старец ответил:

– Больная душа – как больные глаза: чем они больше болят, тем сильнее кажется им свет. А для здоровых глаз он не велик. Так и печальный – одолевает его малая горечь и кажется она ему большой. А тот, кто здоров душою, – только радуется в искушениях.

От ангела и от человека

Был некий старец, чистый и святой. И когда он творил проскомидию, всегда видел двух ангелов, по левую и по правую руку. Но перенял он проскомидию у еретиков, перенял и не понимал этого, не искушенный в премудрости. А как служил он в простоте и беззлобии, стали люди о нем соблазняться. И вот один дьякон, сведущий в церковном устройении и Божественном Писании, увидел, как этот старец служит, и сказал ему:

– Это не по-православному, так еретики служат, нам так нельзя делать.

Старец решил, что ангелы-то видят, как он служит, и не стал об этом задумываться. А дьякон снова ему говорит:

– Отче, ты заблуждаешься, такого приношения не принимает православная церковь.

И вот старец увидел за проскомидией ангелов, как обычно, и спросил их:

– Вот что мне говорил дьякон. Так ли это?

И сказали ангелы:

– Правду он сказал, оставь прежний обычай.

И спросил старец:

– Что же вы прежде мне не сказали?

И ответили ангелы:

– Так Бог усмотрел, чтобы человек учился правде у человека.

Не возвратимся в Египет

Один брат, одержимый печалью, спросил старца:

– Что мне делать, отче? Мысли мои мне говорят: напрасно ты ушел из мира, все равно тебе не спастись.

Старец сказал ему:

– Знай, брат, пускай и не сможем мы войти в землю обетованную, но лучше нам умереть в пустыне, чем вернуться в Египет.

Благодарность мученика

Одного мудрого человека предала его рабыня на мучение ради Христа. И когда его вели на смерть, увидел он эту свою рабыню, стоящую среди других, снял с руки перстень и дал ей со словами:

– Благодарю тебя, жена! какое ты для меня благо придумала и исполнила.

И так в радости умер.

Служба не вовремя

Был один старец, пресвитер св. Иоанна Крестителя в селе в Киликии, великий в Боге и добронравный.

Однажды жители этого села пришли к епископу и попросили:

– Отзови от нас этого старца.

Епископ спросил:

– Что же он вам сделал?

Они сказали:

– В воскресенный день он приходит в храм и поет (т.е. совершает службу, прим.пер.), когда ему вздумается.

Епископ позвал старца и наедине говорит ему:

– Почему ты так делаешь? Или ты не знаешь церковных правил?

Старец сказал:

– Господи, правду ты говоришь, так и есть: я не знаю, когда что делать. А в святое воскресенье после ночного канона сижу у алтаря и жду. И пока не увижу Духа Святого, осеняющего алтарь, не начинаю святого пения. А как увижу пришествие Святого Духа, тогда и начинаю литургию.

Чуден показался епископу обычай старца. Рассказал он это жителям села и отпустил его с миром.

Обмен приветами

Этому старцу послал привет авва Иулиан столпник.

И послал он ему завязанный плат, а в нем – горящие угли.

Старец принял его привет и угли: они не погасли.

И в ответ послал он привет Иулиану, и влил в тот же плат воды. И ее донесли. А было между ними двадцать попрещ.

Раскаявшийся скоморох

Был в одном киликийском городе скоморох по имени Вавила. Жил он с двумя женами, одна Комита, другая Нико-

са. И делал он все, что и следует делать тем, кто водится с бесами.

Однажды он вошел в церковь, и так случилось по Божьему устроению, что как раз читали Евангелие, то место, где говорится:

– Покайтесь, ибо приближается Царствие Небесное.

И услышав это, разверзлось сердце его для покаяния. И стал он плакать и виниться за свои прежние дела. И придя из церкви, позвал обеих жен и сказал им:

– Скверно я жил с вами. А теперь оставляю вам всё ваше имущество, и мое можете разделить поровну. Я с нынешнего дня ухожу из мира и буду монахом.

И они отвечали, как одними устами:

– Мы с тобой вместе были в бесчестии и душевной погибели, и неужели теперь, когда хочешь делать богоугодное дело, оставишь нас? Не оставляй нас, дай нам и в добром деле быть с тобой.

И он затворился в столпе, и они продали что имели, роздали нищим, оделись в монашеское платье и затворились в хижине близ Сиона.

Спор с бесом

Рассказывали об авве Стефане пресвитере Елеонской лавры.

Стал ему бес вкладывать мысли:

– Иди отсюда, в этом месте тебе не будет пользы!

Старец же сказал бесу:

– И не буду я тебя слушать. Я знаю, кто ты такой: ты видеть не можешь, чтобы кто-нибудь спасался. Но еще я знаю, кто тебя сотрет с земли – Христос, Сын Бога Живого.

И, говорят, в другой раз явился к нему бес, уже видимый глазами, и снова говорит:

– Уходи отсюда, не будет тебе в этом месте добра!

И ответил тогда старец:

– Если хочешь, чтобы я отсюда ушел, сделай так, чтобы пошло то, на чем я сижу.

А сидел он на плетеном стуле. И бес сделал так, что стал этот стул ходить по всей келье. Поглядел старец на бесовскую хитрость и сказал:

– Ловок ты, а я все равно не уйду!

И помолился, и стал бес невидим.

Брат во славе

Когда авва Стефан тяжело болел утробой – а от этой болезни потом и почилa святая его душа – врач велел ему есть мясо. А у блаженного был брат белоризец, большой постник. Вот этот брат и пришел, когда авва ел мясо. И поглядел он, и сильно опечалился: после такого поста и воздержания в последние дни он мясо ест!

И было ему видение. Некто явился и сказал:

– Зачем ты соблазнился о пресвитере, увидев, как он ест мясо? Разве не знаешь, что от беды это и ради послушания? Нельзя за такое осуждать. А если хочешь знать, в какой славе твой брат – оглянись и увидишь.

И оглянулся он, и увидел пресвитера распятого. И сказал ему тот, кто явился:

– Глади же, в какой славе твой брат.

Почтение разбойника

В одном фивандском городе поймали разбойника. Под пытками он во всем признался, и его приговорили к смерти, к отсечению головы. И вот, когда его вели на казнь за

город, пошел некий монах следом. Тот, кого вели на казнь, увидел монаха и говорит:

– Что авва, разве нет у тебя кельи и своего дела?

– Да, есть.

– Что же ты не сидишь там и не плачешь о грехах своих?

– Ленив я, и нет в душе моей смирения, – сказал монах, – потому и иду посмотреть, как ты будешь умирать, чтобы этим смириться.

И тот сказал:

– Иди, авва, ради Бога. Сиди себе в келье и славь Спаса Христа: Он вочеловечился и умер за нас, и человек уже не умирает.

Темная голубка

Рассказывал авва Феодул.

Однажды на постоялом дворе я встретил странствующего монаха, сирийца родом. Ничего у него не было, только стихарь и немного хлеба. И день и ночь он пел псалмы и ни с кем не говорил. Подошло воскресение. Я сказал ему:

– Пойдешь ли в храм св. Софии причаститься святых и честных Таин?

Говорит:

– Нет.

Я спросил:

– Почему?

Он говорит.

– Я северианин, и не приобщаюсь в церкви.

И услышав, что он не приобщается святой соборной и апостольской Церкви, и видя при этом его добрую жизнь, пошел я плача к себе, затворил двери, пал ниц перед Богом и лежал так три дня, молясь со слезами:

– Владыка Христе Боже, иже неизреченным Твоим и неисчислимым человеколюбием преклонивый небеса и щедрый нашего ради спасения и воплотивыйся от Владычицы нашей Пресвятыя Богородицы и Приснодевы Марии! яви мне, чья вера праведна: наша церковная или же североанское мудрование.

И в третий день был мне голос:

– Иди, Феодул, и увидишь веру его.

И я пошел наутро и сел рядом с ним, надеясь увидеть то, о чем мне говорил голос.

И вот, как я сидел и глядел, а он стоял, по-сирийски пел молитвы, увидел я – как перед Богом говорю, дети – голубка над его головой, грязная, как из поварни, вся всклокоченная и смердящая.

И понял я, что эта явленная мне голубка, темная и смердящая, и есть его вера.

И часто, плача и вздыхая, рассказывал нам это Феодул, воистину блаженна его душа.

Судьба милостыни

Рассказывал один старец.

Мы с аввой Софронием были в Александрии. Однажды шли мы в церковь, и на какой-то улице встретился нам человек, плешивый и в рубище до колен, и по виду безумный. И сказал мне авва Софроний:

– Дай мне монету и узнаешь, что это за человек.

Я дал ему шесть монет, и он отдал их все этому безумному. Тот взял и ничего не сказал. А мы тайком пошли за ним. Он свернул с улицы, поднял руки к небу, держа в руке монеты, потом поклонился Богу, положил монеты на землю и ушел.

Помилованный и наказанный разбойник

Был в пустыне разбойник Давид. Он много погубил людей, говорят, никто столько не погубил. Однажды он разбойничал в горах со своими людьми – их было больше тридцати – и вдруг пришел себя, и ужаснулся своим делам. Бросил всех и пошел в монастырь. Ударил в ворота, вышел сторож и спросил:

– Что тебе нужно?

Разбойничий атаман говорит:

– Хочу сделаться монахом.

Сторож пошел, рассказал игумену. Игумен вышел, видит: старик. И говорит:

– Не сумеешь ты здесь жить. Братия у нас живет в великих трудах и воздержании, а ты уже не в тех годах, чтобы исполнить монастырскую заповедь.

А он отвечает:

– Все сделаю, только примите.

А игумен:

– Нет, не сумеешь.

Тогда говорит разбойничий атаман:

– Так знай же, игумен, я разбойник Давид и пришел оплакивать мои грехи. А не примите меня – клянусь Богом небесным – пойду назад, приведу всех своих, и вас перебью, и монастырь разорю.

Услышав такое, игумен принял его в свой монастырь, и постриг.

И сразу же он стал подвизаться и трудиться, и в смирении, воздержании и послушании всех превзошел, а было в монастыре семьдесят монахов.

И однажды сидел он в келье, и вот ангел, встал перед ним и сказал:

– Давид, Давид! простил тебе Бог грехи твои. Отныне будешь творить знамения.

А он отвечал ангелу:

– Не могу поверить, что все грехи мои, тяжкие и многие, бесчисленное песка морского, все их Бог простил за такое малое время.

Ангел сказал ему:

– Если я и Захарию не пощадил, когда тот не поверил моим словам о сыне, и наказал его, и связал ему язык – так тебя ли пощажу? Вот, будешь отныне нем.

Монах Давид поклонился ангелу и сказал:

– Когда я был в миру и творил неподобные дела, и проливал кровь, ты меня не наказывал, а теперь, когда я хочу служить Богу, ты вяжешь мне язык, чтоб я не мог говорить!

Тогда ответил ангел:

– Так пусть он у тебя говорит, когда ты славить Бога или молишься по правилу. А вне молитвенного правила будет он молчать.

Так и стало.

И много чудес сотворил через него Бог. Он пел молитвы, а других слов, ни длинных, ни кратких, не мог выговорить.

Разбойник, принявший смерть

К старцу Зосиме пришел однажды разбойник и стал его просить:

– Сотвори любовь, Бога ради, постриги меня. Я много творил зла и убийства, и теперь хочу оставить это.

Старец постриг его. И вскоре сказал:

– Послушай, чадо, не нужно тебе здесь оставаться. Узнает кто-нибудь, заберут тебя и казнят. Давай я тебя отведу в монастырь подальше.

И отвел его в Дорофеев монастырь на краю горы.

Жил он там девять лет, обучился псалмам и всему монашескому устройению. И снова пришел к старцу и сказал:

– Господин мой отче, сотвори милость, отдай мою мирскую одежду и возьми монашескую. Старец опечалился и спросил:

– Зачем, чадо?

Брат ответил:

– Ты знаешь, отец, жил я в посте и воздержании, в молчании и страхе Божиим и послушании. И со всем моим великим злом милость Божия приняла меня. Но всё вижу: и во сне, и в церкви, и как пойду к причастию, и в трапезной – вижу одного ребенка, и он всё меня спрашивает: «Зачем ты меня убил?» И ни на час он меня не оставляет. Поэтому я хочу пойти и принять смерть за этого ребенка, что по безумию убил его.

Переоделся в мирское и ушел из лавры. И как пришел он в город Диополис, на второй день его схватили и казнили.

Согреваемый львом и знающий, что умрет от зверя

Рассказывал отец Агафоник, игумен Саввинского монастыря.

Однажды я пошел к игумену Пимену, который питался одними корнями. Нашел его, исповедал ему свои мысли, и на ночь он оставил меня в одной пещере, а сам пошел в другую. В ту ночь была большая стужа, и я очень озяб. Утром пришел старец и спрашивает:

– Как ты, чадо?

Я говорю:

– Прости, отче. Намучился я этой ночью от холода.

А он говорит:

– А я, чадо, и не почувствовал холода.

И я удивился, потому что он был наг, и говорю ему:

– Сотвори любовь, скажи, как же ты не умер от холода?

Он говорит:

– Пришел лев, лег рядом и грел меня. И все же я знаю, что однажды быть мне растерзанным зверями.

Я спросил:

– Почему?

Он рассказал:

– Когда я жил в миру, пас овец. И однажды не уберег прохожего, его заели мои собаки. Так я и узнал, какой смертью мне умереть.

И через два года его растерзали звери, как и говорил старец.

Неподъемное дерево

Авва Врохат Египтянин нашел себе безлюдное место в стороне от Антиохии и хотел построить маленькую келью. И построил, а не было у него чем покрыть ее. И вот он пошел в город к одному гробовщику, Анатолию. А тот сидел на улице. И авва сказал:

– Сотвори любовь, дай мне какое-нибудь бревнышко покрыть крышу.

И тот рассердился и говорит:

– Вот тебе дерево, бери и уходи.

И показал ему во дворе огромное бревно, какие берут для кораблей.

Авва сказал:

– Благослови, возьму.

И Анатолий сказал в сердцах:

– Благословен Бог.

И он взял это бревно, положил на плечо и пошел к себе.

И удивился Анатолий такому славному чуду, и дал ему столько леса, сколько пожелает, так что он не только покрыл эту свою хижинку, но еще много чего сделал для монастыря.

Два ангела

Отец Пахомий однажды видел, как на похоронах два ангела провожали гроб покойного. И раздумывая об этом, молил Бога открыть ему, что это было.

И пришли к нему два ангела. Он спросил их:

– Отчего вы, ангелы, провожали покойника?

Ангелы ответили:

– Один из нас – за среду, другой – за пятницу. Потому что умерший до смерти не нарушал поста в среду и пятницу. За это мы и провожали его, и почтили того, кто терпел нужду ради Бога.

Спор о душе монахини-блудницы

Рассказал один старец.

В Солуни был женский монастырь. И одна монахиня по вражьему наущению сбежала из монастыря и впала в блуд. И несколько лет жила она в блуде. И потом пришла в себя, ибо Бог печется о нашем покаянии. И пошла в свой монастырь. Дошла, упала у ворот и умерла.

И Бог явил ее смерть одному епископу. Он видел, как святые ангелы пришли за ее душой, а за ними – бесы, и стали спорить с ангелами. Ангелы говорят:

– Она покаялась.

А бесы:

– Она на нас работала столько лет, и теперь она наша. И войти в монастырь она не успела – как же вы говорите, что она покаялась?

Ангелы говорят:

– А так, что увидел Бог ее мысли и преклонил к ним слух, и принял ее покаяние. Покаянием своим она владела, как решила об этом в душе, а жизнью один Владыка Господь владеет.

И тут бесы, посрамленные разбежались.

Будем же блюсти себя. Ведь мы не знаем, когда нас возьмет смерть и успеем ли мы тогда начать покаяние.

Подражатель книгам

Рассказывал один монах.

Пришел к нам в монастырь один старец, и мы читали с ним слова святых отцов, а он любил это чтение и много читал, и часто. Из этих слов учился он истинной жизни. Вот мы дошли до такого рассказа:

К одному старцу пришли разбойники и говорят:

– Мы пришли забрать все, что здесь есть.

Он сказал:

– Берите, дети, все, что видите.

Они и взяли все и ушли, но не взяли один мешочек. Старец взял его, побежал за ними и кричит:

– Дети, возьмите и это! вы забыли его в моей келье.

И чудно им стало беззлобие старца. Они отдали ему все, что взяли, и покаялись, и подумали в уме: вот воистину Божий человек.

И когда мы это прочли, старец сказал мне:

– Знаешь, авва, большая польза была мне от этого чтения.

Я спросил:

–Какая?

И он рассказал:

– Когда я жил на Иордане, я читал эту повесть и дивился старцу сему, и молил Бога: сподоби мя по стопам их ходити, Иже мя сподоби приити в образ их¹.

И как только я этого пожелал, через два дня явились разбойники. Только они ударили в дверь, я понял: разбойники. И подумал: «Слава Богу. Вот и время исполнить желание». Открыл дверь, встретил их тихо, зажег свечу и говорю:

– Ничего от вас я не спрячу.

Они говорят:

– Есть у тебя золото?

Говорю:

– Есть, три золотых.

Достал и отдал им. Они взяли и ушли с миром.

– И что же, вернули они тебе все, как тому отцу?

Он говорит:

– Нет. Бог не привел. Не угодно Ему было, чтобы вернули.

Ученик-миротворец

Один монах-отшельник увидел, что ум его смущается в одиночестве и решил пожить в монастырских кельях. Но свободной не нашел. У одного старца была рядом еще одна келья, и он сказал:

¹ Ты, сподобивший меня принять их (монахов) образ, сподоби меня и поступать, как они.

– Поживи пока в ней, а там найдешь.

И стали к новому монаху приходить братья, как к страннику, за поучением.

И тамошний старец позавидовал и стал сердиться: «Я столько лет живу в великом воздержании, и никто ко мне не приходит, а этот проныра только явился, и столько к нему народу ходит!»

И велел своему ученику:

– Иди, скажи ему: уходи, мне нужна эта келья.

Ученик пошел и говорит:

– Отец мой послал меня узнать о твоём здоровье.

Тот отвечает:

– Пусть молит Бога обо мне. Плохо мне тут от сырости.

Ученик вернулся и передал:

– Он сказал, что уйдет через два дня, как найдет себе келью.

Через два дня старец говорит:

– Иди и скажи: если не уйдешь, сам приду и палкой тебя выгоню.

Ученик пришел и говорит:

– Отец мой услышал о твоей болезни и прислал меня проведать тебя.

Он говорит:

– Скажи ему: твоими молитвами мне теперь лучше.

Ученик пришел и говорит:

– Старец просил подождать до воскресения.

Тогда учитель взял палку и пошел, чтобы его поколотить.

А ученик говорит:

– Подожди, отче, я пойду вперед, погляжу, нет ли у него народу.

И пришел, и говорит старцу:

– Идет сюда отец мой просить тебя к себе в келью.

И услышав о такой любви, старец сам вышел ему навстречу. И еще издали начал ему кланяться со словами:

– Не трудись, отче, господин мой. Я сам к твоей святости приду, и прости меня Христа ради.

И увидел Господь дело ученика, и просвети ум учителя, и открылась его душа. Бросил он посох, подошел к старцу, поцеловал его, и за руку повел к себе, будто ничего не слышал.

Потом спрашивает ученика:

– Ты, видно, не передавал ему, что я говорил.

Тот говорит:

– Да.

Обрадовался старец и повел монаха к себе, и полюбил его, и принял, и понял, что от дьявола была та зависть.

Тогда он упал перед учеником и сказал:

– Отныне ты мне будь отец, а я тебе ученик. Только твоим добрым устроением наши души спаслись.

Оскудевший милостивец

Был некий боголюбивый человек в Азалоне. И был у него дар – любить странников и творить милостыню. И милость его была такая, что весь свой дом он отдал на приют странникам и принимал всех, а особенно монахов. И все, что у него было, он им отдавал – и не только тем, кто приходил или жил рядом, но и в далекие бедные монастыри посылал каждый год и золотом, и медью.

Однажды случилось так, что ему нечего было послать. И сидел он, печалясь об этом и размышляя, у себя дома. Тогда пришел привратник и сказал, что какой-то старец хочет с ним говорить. Он велел впустить. И этот старец, прекрасный лицом, сказал ему:

– О чем горюешь?

Он ответил:

– О чем же, как не о своих грехах. (Он всегда так отвечал).

Старец сказал:

– Нет, у тебя теперь другая печаль.

Он опять ответил то же. И старец третий раз спросил:

– Нет, говорю тебе, другая печаль у тебя. И зачем ты горюешь и заботишься? Разве не знаешь, что Бог о тебе позаботится?

И достал из-за пазухи узел и передал ему:

– Вот тебе триста золотых: исполни свое дело.

Хозяин пошел положить этот узел в сундук, а вернувшись, никого не увидел. И стал он гневаться на своих домашних: зачем дали старцу уйти, почему не вернули, и он ушел и они даже вместе не помолились. А домашние клялись, что не было здесь никого, и никого они не видели. Тогда он позвал привратника и его стал бранить, зачем он проглядел, как ушел этот святой человек.

А привратник говорил то же, что другие: никого я, дескать, не видел.

Тогда он и понял, что все это было устроено Божьей силой. И он упал на землю, и со слезами стал молиться Богу.

– Кто я такой, грешный и ничтожный, что ты обо мне такое устроил, Господи, о грешном и недостойном?

А в другой раз, когда у него была нужда, все устроилось по-другому. Пришли два монаха и принесли ему много золота. И как он стал их просить остаться с ним на молитву, они сказали:

– Нет, нам в храм нужно, Отпусти нас.

И он отпустил их в церковь, и сам пошел, но их там не было. И он спросил, не видели ли там двух монахов. Ему сказали:

– Нет, не видели.

И по всему городу их искали и не нашли. Тогда все поняли, что это было чудо от Бога.

А управитель увидел это и хотел сказать блаженному, чтобы он позаботился купить масла, но забыл. И так устроил Бог, что управитель входит в кладовую по другому какому-то делу – и видит, что из опустевшей бочки масло бьет через край. И так, говорят, не раз было и не два, а много раз.

Управляющий пришел и рассказал святому. И тот не велел ему говорить другим, чтобы не мешать святому устройению.

А я тебе это рассказал, брат, дивясь Божией благодати: так принимая наши бедные начатки, она в ответ одаряет сверх меры.

И славно это – творить благо, оказывать милостыню друг другу изо всех наших сил – так мы для Бога устраиваем пространство, чтобы каждое наше усилие мог Он одарить великими дарами.

«Всё во всех вещах»

О Франциске Ассизском

Beatus servus, qui conservat
secreta Domini in corde suo.

*S. Francisci Admonitio*¹

Наш интерес к рассказам о мистическом опыте похож на любопытство домоседов к рассказам о дальних путешествиях (недаром многие мистические сочинения сюжетно строятся как странствия, обыкновенно опасные странствия в неведомых ландшафтах, с их тупиками и входами, чудесными проводниками и т. д.). С другой стороны, он похож на интерес зрителя к спортивным достижениям чемпионов.

Первое уподобление говорит о нашей заинтересованности в какой-то более полной, чем открывает это обыденный опыт, картине мироздания: более грозной и более отрадной, более поразительной и, вероятно, более осмысленной, чем принято по привычке полагать.

Второе сравнение передает заинтересованность человека в собственных возможностях: о прославленных мистиках обычно передают, что они обладали какой-то особо тонкой и развитой чувствительностью, были своего рода психическими атлетами, почему и могли проникать в за-

¹ «Блажен раб, хранящий в сердце своем тайны Господа». «Наставления св. Франциска». (лат.)

крытые для заурядной психики области мироздания (или в глубины собственной внутренней жизни).

Нельзя не признать, что и тот, и другой интерес в общем-то относятся к развлекательным: рассказы о недоступных странах или о чьих-то невысказанных рекордах, несомненно, украшают и разнообразят нашу жизнь, вплетают в нее тот авантюрный подголосок, без которого человек всегда скучает, – но вряд ли они что-нибудь всерьез меняют в этой жизни. Все это, пожалуй, слишком экстравагантно, чтобы значить что-нибудь «здесь и теперь».

Можно так же отнести и к тому опыту, который передают сочинения Франциска Ассизского и его жития (Франциск – один из самых прославленных в истории западного христианства мистиков; он первым за двенадцать веков, прошедших с дней Голгофы, как с ужасом и восхищением сообщают его спутники и биографы, был удостоен «нового чуда», «новой тайны» – восприятия в плоть крестных ран Спасителя, Стигматов: такого «реализованного» переживания таинства и мистической сопричастности еще не знали; самая «реалистичность» этого плода созерцания представляется спорной и тревожной для православной традиции). В самом деле, в рассказах о Франциске, и официально церковных (как «Большая легенда» Бонавентуры из Баньореджо), и тем более, народных (как знаменитые «Цветочки святого Франциска» или менее прославленное, но не менее поразительное «Зеркало совершенства», не говоря уже о легендах «спиритуалов», по своему характеру совпадающих уже с вполне внецерковной мистикой) так много необыкновенных, сверхъестественных – в самом расхожем смысле – эпизодов, что порой кажется, что дело происходит уже не на земле, а в пространстве волшебной сказки, где перестает действовать сопротивление материала, земное

тяготение, биологические и все другие «естественные» законы. Конечно, в житии каждого святого мы встретим эти победы над «чином естества», но вокруг Франциска они становятся как бы просто его родной стихией, вторым явлением «первородной невинности», как говорит об этом Бонавентура, которой не может противиться ни зверь, ни человек, ни вещество. И потому трудно найти более увлекательное и – в лучшем смысле слова – приятное чтение, чем францисканские легенды.

Но тем не менее, не такие эпизоды мне хотелось бы вспомнить в связи с темой «мистики Франциска». Как писали в своем предисловии «три спутника» (три ближайших ученика Франциска) в ответ на поручение собирать и записывать известные им чудеса из жизни учителя: «Чудеса делают святость явной, но не они составляют ее». Еще нагляднее об этом говорит сам Франциск в своей «Притче о совершенной радости».

Одним из самых таинственных прозрений Франциска мне кажется его «Послание министру» – текст, в котором, с внешней стороны, нет ничего чрезвычайного и ничего ослепительно нового (ведь по этим двум признакам – неизвестного прежде знания и не встречавшегося прежде явления – обыкновенно и относят ту или другую историю к «мистическим»).

Франциск советует некоему министру – человеку, который сменит его на месте руководителя всего, уже огромного к этому времени, братства, как осуществлять управление Орденом. Это практический совет, и все. Никаких космических откровений, никаких отсылок к невидимому миру. И что он советует?

Как всегда, ничего кроме того, что написано в Евангелии и что этот министр, несомненно, и сам читал и знал, как бес-

численное множество других христиан до и после него. Таинственно в этом совете только то, что человек может повторить такие слова *как свои* и такое поведение считать *единственно возможным*: не желательным, где-то на горизонте души, да еще при условии, что ее, эту душу, освободят от некоторых «необходимых», самим «человеческим состоянием» – *conditio humana* – обусловленных компромиссов, но *практически необходимым и единственно приемлемым*. И тут мы понимаем, что человек, советующий такое, – Другой Человек: не то что «другой, чем мы», но вообще Другой. Я бы сказала: более другой, чем тот, кто видит самые опровергающие обыденный разум видения, – но это будет ложное противопоставление; потому что – что это, как не видение? видение мира, до самой темной глубины проникнутого любовью: мира, который ничто не лишит чести быть сотворенным, быть, словами Пастернака, драгоценным изделием¹. Чрезвычайные, специально «мистические» образы были бы для такого видения не то чтобы излишни или чужды – но просто необязательны.

Можно вспомнить один из самых знаменательных разговоров о «чуде» в русской литературе: разговор Ивана Карамазова с Алешей перед тем, как он сообщает свою «поэмку» о Великом Инквизиторе. Чудо, которого требует и в которое «не верит» Иван («увиджу и не поверю»), – вовсе не сверхъестественные происшествия вроде сверзающихся в море гор, о которых хлопочет Смердяков. Это, на его языке, «мировая гармония»: мир, в котором мать обнимет убийцу своего ребенка. Герой Достоевского намеренно заостряет тему – но несомненно, в вести о той

¹ Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр.

любви, о которой так просто говорит Франциск, есть что-то, поражающее в человеке нечто более обширное, чем разум, чем привычки пяти чувств, чем та «непосвященность», которую обычно имеют в виду мистики: можно сказать, она поражает самую основу существования, то, что человек назовет «своей жизнью», не только с эгоистическими, но и с благородными (такими, скажем, как ожидание справедливости) ее основами.

Поэтому наследие Франциска, при всем его несравненно утешительном и веселом, порой до комизма, тоне, все-таки не может стать для читателя тем, чем обычные эзотерические повествования: рассказом о чьих-то путешествиях по вертикали или о чьих-то духовных рекордах.

denn da ist keine Stelle,
die dich nicht sieht. Du musst dein Leben andern.¹–

так в известных стихах Р.М.Рильке обобщается впечатление античного торса. Опыт Франциска, как и других великих христианских мистиков, требует чего-то большего, чем «перемена жизни». Он требует смерти. Как прямо сказано в «Приветствии добродетелям»:

Ибо нет на земле человека,
чтобы обрел он единую из вас,
и прежде того не умер.

Издатели добавляют в скобках: (для греха).

Похвалой «сестре нашей смерти телесной» кончается прославленная «Песнь брата Солнца», первое в истории

¹ ибо здесь нет ни единой точки,
которая тебя не видит. Ты должен переменить свою жизнь. (нем.)

итальянской словесности стихотворение на народном языке, сложенное Франциском после ночи мучительного недуга, незадолго до кончины. В этой «Песни» тоже нет ничего предметно чрезвычайного, она похожа на псалом, переписанный рукой ребенка.